

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление.....	14
Проницательному читателю. (Вместо предисловия).....	15
Вместо благодарности.....	19
Вопросы для повторения.....	33

РОССИЯ КОЛДУНОВ

(САКРАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Что есть интеллигенция?.....	41
Формула России.....	48
Три поколения русских «колдунов».....	54
Три метафоры сакрального текста.....	59
Колдун умер. Да здравствует...? (Эпилог 1995).....	68
Послероссие. (Эпилог 1999 и 2003).....	72
P.P.S. (Эпилог 2005).....	86
Примечания.....	95

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВАМ

(ОПЫТ ДИНАМИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА)

Двуличная история.....	139
Логика «основного мифа».....	142
Карпаты – родина быков!.....	149
«Дунайская прародина».....	153
«Храмы в районе Карпат».....	163
Примечания.....	170

СТАНЕТ ЛИ ИСТОРИЯ «УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ЖИЗНИ»?

(«ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ» – ПРОЕКТ ОЖИВЛЕНИЯ ИСТОРИИ)

«Камо грядеши?».....	209
«Кто виноват?».....	211
«Что делать?».....	217

УОРТМАНИЯ

(ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ Р. УОРТМАНА В РОССИИ)

История и власть.....	225
История власти.....	227
Власть истории.....	239
Международный проект «Нестор»: «Партнерство во имя истории». (Вместо послесловия).....	245
Литература.....	257
Указатель имен.....	279

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Для верного понимания авторского замысла не следует начинать знакомство с этой книжкой с раздела «*Послероссие*» (с. 72–85).

**ПРОНИЦАТЕЛЬНОМУ ЧИТАТЕЛЮ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)**

Да, первые страницы рассказа обнаруживают, что я очень плохо думаю о публике. Я употребил обыкновенную хитрость романистов: начал повесть эффектными сценами, вырванными из середины или конца ее, прикрыл их туманом. Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты с первых страниц можешь различить, будет ли содержание повести стоить того, чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается в пособии, а пособий этих два: или имя автора, или эффектность манеры. Я рассказываю тебе еще первую свою повесть, ты еще не приобрела себе суждения, одарен ли автор художественным талантом <...>, моя подпись еще не заманила бы тебя, и я должен был забросить тебе удочку с приманкою эффективности. Не осуждай меня за то, — ты сама виновата; твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попала в мои руки, и я могу продолжать рассказ, как, по-моему, следует, без всяких уловок

*Н.Г.Чернышевский
«Что делать?»*

Кому адресованы научные книги? Только специалистам или также широкой публике? Ученые-гуманитарии, т.е. те, кому «не чуждо ничто *человеческое*», придерживаются на этот счет разных точек зрения.

Коллеги, страдающие манией величия, — их отличает царственная («мы полагаем...») манера называть себя во множественном числе — умышленно осложняют процесс чтения непосвященным. Для этого выработана т.н. «академическая» манера письма, предписывающая перемежать затертые слова непонятными,

Проницательному читателю

тщательно выпалывая любые проявления образной речи. Мизерные тиражи научных изданий свидетельствуют о триумфе этой «эзотерической» стратегии.

Считаю, что такой подход противоречит природе гуманитарного знания, по определению адресованного всему человечеству. Я обращаюсь ко всем и поэтому стремлюсь, чтобы у моей книжки было как можно больше читателей. Прекрасно понимаю, как трудно привлечь «больше читателей» в эпоху, когда взрывной рост числа наименований компенсируется катастрофическим снижением тиражей. Что делать никому не известному автору, чтобы его книжку заметили в потоке новых изданий? Известно что – читать Чернышевского!

Повторяя маркетинговые ходы теоретика «разумного эгоизма», я использовал все известные «PRиманки эффективности»: яркое название, броскую обложку, скандальную аннотацию, дурацкое «предупреждение», непривычный оригинал-макет, вызывающую манеру изложения. Для гарантии успеха задействовано и второе «пособие» Чернышевского – авторы с именами или, говоря современным языком, «авторитеты».

Предварительный тираж *«России колдунов»* был разослан в редакции научных и популярных журналов, а также выдающимся ученым-славистам всего мира. Реакцией на эту рассылку явились предваряющие настоящее издание рецензии и аннотации, опубликованные в прессе. Но главный ее итог – полемические эссе выдающихся ученых и мыслителей, помещенные в разделах *«Анти-Эрлих»* и *«Pro Moldova»*. Я очень признателен знаменитым коллегам за то, что они своим «символическим капиталом» поддержали далеко не молодого, но все еще начинающего автора. То, что эта поддержка приобрела вид жесточайшей критики, – также обдуманый PRием. Кому охота читать дифирамбы?

Другой способ поднять значимость издания – опубликовать его в авторитетном издательстве. По этой причине я не стал публиковать *«Россию колдунов»* в «своем» издательстве *«Нестор-История»*, еще только обретающим известность в научном мире, и обратился к нашим партнерам из знаменитого издательства *«Алетейя»*. Очень признателен его руководителю Игорю Александровичу Савкину, который не убоился снабдить столь скандальный труд своим брэндом.

Проницательному читателю

Знаю, что «академисты» определяют мою активность по привлечению внимания читателей как «стремление к дешевой популярности». Маркетинговые ходы будут осуждены за «дурной вкус». Обязательно похихикают над моим «я-каньем», ведь истинному ученому прилично только «*мы-чание*». Но главное, по вышеприведенным причинам, мне вообще будет отказано в «научности» исследовательских приемов и выводов.

Обращаю внимание на эту неловкую подмену: огульное отрицание содержания путем недобросовестной критики формы. Никогда не соглашусь, что посконный язык и вялая мысль являются атрибутами научности. Никогда не признаю агрессивный позитивизм единственно возможным стилем гуманитарного знания. Считаю, что наша наука может динамично развиваться только в процессе соперничества и сотрудничества, условно говоря, «фактографического» и «интерпретативного» направлений, этих взаимодополнительных составляющих гуманитаристики. Уничтожение и тем более уничтожение любой из «платоновских» половин тормозит научное развитие. Поэтому не считаю приемлемой сочувственную рекомендацию авторам, отвергшим «*новояз социальных наук*», самоопределяться за пределами науки, в качестве представителей «*постакадемической манеры письма*» (Хапаева 2005).

И еще один вопрос, нуждающийся в пояснениях: какую цель преследует эта шумная затея? Сразу оговорюсь, что даже не надеюсь на признание моих мыслей научным сообществом. У многих из них слишком большой «шаг новизны» (М.К.Петров). Проверить их на прочность возможно лишь путем безжалостной критики *содержания*¹. А так как проблемы, поднятые в книжке, касаются будущего «всемирно отзывчивого» народа, т.е. являются действительно гуманитарными, то очень надеюсь, что в дискуссии примут участие представители самых различных отраслей и направлений гуманитарной мысли. Подобные дискуссии – лучшее средство преодолеть удручающую фрагментацию ученой корпорации. Такова сверхзадача!

¹ Свидетельством продуктивности дискуссий по существу может служить раздел «P.P.S.» «*России колдунов*». Из этого раздела видно, что критические суждения авторов «*Анти-Эрлиха*» серьезно изменили мои представления о природе и перспективах христианской цивилизации.

Проницательному читателю

Несколько слов о структуре издания. Это уже четвертый мой текст, опубликованный под названием «*Россия колдунов*». От третьего по счету он отличается, прежде всего, добавлением раздела «*Анти-Эрлих*», где опубликованы полемические рассуждения известных ученых из России и Франции по поводу вопросов, поставленных в моей книжке. В небольшом разделе «*PRo Moldova*» собраны статьи молдавских авторов. Я обособил их работы, потому что очень хочу, чтобы российские высоколбы, хотя бы наедине с собой, признали, что Молдавия может экспортировать не только расторопных чернорабочих, но и конкурентоспособные идеи. Также добавлены мои новые тексты: «*Проницательному читателю*», «*Вместо благодарности*», «*Вопросы для повторения*», «*P.P.S.*» (последний раздел «*России колдунов*»), «*Уортмания*», «*Международный проект "Нестор"*». Все четыре текста, составивших третье издание – «*Россия колдунов*», «*Поклонение волхвам*», «*История мифа*», «*Станет ли история учительницей жизни?*», – публикуются без смысловых изменений. Я умышленно не стал улучшать их задним числом, чтобы было ясно, с чем спорят мои оппоненты. Сняты лишь несколько наиболее резких характеристик (следы их можно найти в возмущенных откликах рецензентов), не совместимых с новым поворотом моих представлений о мире (см. «*P.P.S.*»). Надеюсь, что мне не поставят в укор эту «шаткость». В связи с тем, что текст разросся почти до шестидесяти печатных листов, мне пришлось вынести в отдельные книги самое объемное и, по единодушному мнению всех рецензентов, самое «академичное» из моих эссе – «*Историю мифа*»; а также разделы «*Анти-Эрлих*» и «*PRo Moldova*». Читайте!

ВМЕСТО БЛАГОДАРНОСТИ

В зарубежной науке издавна существует добрая традиция предварять монографии разделом «*Благодарности*», в котором автор выражает признательность спонсорам, начальству, коллегам и родственникам. В советских книгах такой раздел отсутствовал по понятной причине: публично в те годы можно было благодарить только монопольного «спонсора» – коммунистическую партию и ее вождей. С наступлением эпохи «открытости» «*Благодарности*» начинают проникать и на страницы отечественных изданий. Надеюсь, что ни один сторонник «самобытности» не станет возражать против этого заимствования.

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность коллегам, принявшим участие в моем проекте в разделах «*Анти-Эрлих*» и «*Pro Moldova*». Очень хочется сделать это неформально, чтобы читатели больше узнали об этих замечательных людях. Поэтому я разделил каждую благодарность на две части: «объективную» – биографическую справку, составленную в большинстве случаев самими авторами по моей просьбе, и «субъективную» часть – мои впечатления от общения с героями русской культуры. Я настойчиво просил авторов составить биографические справки с максимумом саморекламы. Многие поначалу отказывались, считая, что это нескромно. Рад, что мне удалось быть убедительным: страна должна знать своих культурных героев!

Вместо благодарности

Участники раздела «Анти-Эрлих»

Вера Михайловна Бокова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного Исторического музея. Специалист по истории русского общественного движения, истории повседневности, истории Москвы. Автор шести книг и почти двухсот статей и публикаций в различных изданиях, в том числе в журналах «Вестник МГУ», «Родина», «Континент», «Новое литературное обозрение», «Russian life», в энциклопедическом словаре «Русские писатели. 1800-1917», в энциклопедиях «Отечественная история», «Москва» и других.

Помню, как, работая над диссертацией о «декабристской легенде» Герцена, я нашел сноску на статью Веры Боковой «Апология декабризма». Читая эту статью, постоянно ловил себя на ощущении, что автор воспроизводит мои заветные мысли, разделяемые далеко не всеми в среде профессиональных декабристоведов. Стало ясно, что, будучи не знакомым с этой публикацией, я во многом «открывал велосипед», докапываясь со всей страстью первопроходца до мифологических истоков отечественного декабристствования. Никогда не расстраиваюсь в подобных ситуациях. Всегда приятно, когда твои рассуждения совпадают с мыслями умного человека. Значит – находишься на правильном пути. Замыслив проект «Анти-Эрлих», я не мог не обратиться к Вере Михайловне с просьбой прокомментировать декабристские сюжеты моей книжки. Несмотря на свою загруженность, она откликнулась небольшим, но емким эссе. За что я ей очень признателен.

Яков Аркадьевич Гордин (1935 г. р.), член СП СССР (1976), соредaktor (вместе с А.Ю.Арьевым) журнала «Звезда», директор АОЗТ «Журнал "Звезда"» (с 1991). Печатается как поэт с 1963. Автор сборника стихов «Пространство» (1972), пьесы «Ваши голову, император!» (поставлена Ленинградским ТЮЗом в 1967), а также прозаических книг, преимущественно посвященных русской истории и искусству XIX века: «День 14 декабря» (Л., 1973); «Годы борьбы» (Л., 1974); «Пусть каждый исполнит свой долг. (История Северной войны 1700-1721)» (М., 1979); «Хроника одной судьбы. Жизнеописание В.Н.Татищева» (М., 1980); «Театр Ивана Крылова» (Л., 1983, в соавторстве с М.А.Гординым); «Гибель Пушкина» (Л., 1983); «Три повести» (Л., 1983); «Три войны Бенито Хуареса. Повесть» (М., 1985); «События и люди 14 декабря» (М., 1985); «Право на поединок. Роман в документах и рассуждениях» (Л., 1987); «Мятеж реформаторов» (Л., 1989; 2-е изд. СПб., 1997); «Лев Толстой и русская история» (Нью-Йорк, 1992); «Русская дуэль» (СПб., 1993); «Меж

Участники раздела «Анти-Эрлих»

рабством и свободой» (СПб., 1994); *«Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни»* (СПб., 1996; 2-е изд. СПб., 2002); *«Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре»* (СПб., 1999); *«Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века»* (СПб., 2000); *«Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники»*. (СПб., 2000); *«Историософия России: некоторые актуальные проблемы истории нового времени»* (СПб., 2002); *«Крестный путь победителей: Исторический роман»* (СПб., 2003). Работы Я.А.Гордина переводились на испанский язык. Лауреат премий «Северная Пальмира» (1999), Царскосельской премии (2001).

Яков Аркадьевич является для меня воплощением истинного петербуржца: сдержанный, чрезвычайно скромный, очень тактичный в общении. До сих пор помню, с каким восторгом в студенческие годы читал его хронику *«События и люди 14 декабря»* (в последующих изданиях – *«Мятеж реформаторов»*). Сразу бросилась в глаза ее несоветская (не путать с антисоветской, помните у Довлатова?) стилистика, контрастирующая с дубоватым слогом «идейно выдержанных» трудов «главного декабристоведа» той поры академика Нечкиной и ее последователей. С этой книгой связано еще одно важное для меня воспоминание. Предварительно замечу, что с советских времен в нашей науке существует недобрая традиция воспринимать критику своих взглядов как личное оскорбление. Просто поразительно наблюдать, как нетерпимы к другому мнению многие из наших мэтров. Научный спор становится источником враждебных отношений не только к автору критической статьи, но и к сотрудникам печатного органа, эту статью опубликовавшего. И дискутируют оскорбленные ученые мужи не в статьях, а на административных совещаниях. Неистребимый совок так и прет из-под напускного либерализма. Поведение Якова Аркадьевича в подобной ситуации разительно отличалось от замашек многих научных генералов. Один из авторов издаваемого нашим издательством альманаха *«14 декабря 1825 года»* подверг в своей статье резкой критике концепцию Гордина (Сафонов 2001). Мы с редактором альманаха Павлом Ильиным показали эту статью Якову Аркадьевичу, сообщили, что будем ее публиковать, так как считаем дискуссию важным средством развития науки, и предложили написать ответ своему критику. Он любезно согласился и представил ответную статью (Гордин 2004). Очень важно отметить, что после этого случая наше сотрудничество пошло по нарастающей. (Сейчас, например, мы готовим к печати

Вместо благодарности

книгу публицистики Гордина «*Бег по кругу или Дороги, которые мы выбираем*».) Для меня это был редкий и поэтому особенно ценный урок непоказного свободомыслия.

Борис Федорович Егоров (род. 1926) – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор филологических наук, профессор, действительный член Независимой академии эстетики (Москва), член международного ПЕН-клуба, заместитель председателя академической серии «*Литературные памятники*», историк, литературовед, культуролог, автор около 500 научных работ, в том числе 16 книг. Главные книги последнего десятилетия: «*Очерки по русской культуре XIX века*» (М., 1996); «*Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана*» (М., 1999); «*Аполлон Григорьев*» (М., 2000); «*Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания*» (Томск, 2001); «*От Хомякова до Лотмана*» (М., 2003); «*Боткинь*» (СПб., 2004). Один из создателей Тартуской школы семиотики и структурализма, во главе которой стоял Ю.М.Лотман. Заведующий кафедрами русской литературы Тартуского университета и потом Герценовского пединститута в Ленинграде. Б.Ф.Егоров еще не завершил свой творческий почти 60-летний путь, продолжает активно трудиться, создавать и печатать свои работы. В последние годы, помимо обычных для него научных тем, он обратился к жанру мемуаров; первый крупный итог этого направления – книга «*Воспоминания*» (СПб.: Нестор-История, 2004).

Язык не повернется назвать Бориса Федоровича «человеком преклонного возраста». Всегда бодрый и подтянутый, излучающий жизнерадостность и доброжелательность, он может дать фору многим молодым. Борис Федорович – представитель замечательной, еще дореволюционной, традиции русской профессуры, которой было свойственно бескорыстно заботиться о новых поколениях ученых. Он подарил мне, наверное, все свои книги по декабристской тематике. Несколько десятков ценнейших монографий с экслибрисом Б.Ф.Егорова украшают теперь мою библиотеку. Борис Федорович неустанно пропагандирует наше издательство, привлекает новых авторов. Большой честью для нас было опубликовать его мемуары, которые были с восторгом встречены в научной среде. Сейчас Борис Федорович работает над дополненным изданием. Горжусь, что и оно доверено нашему издательству.

Вероника Жобер родилась в 1945 г. в Индокитае. Училась в Сорбонне. Доктор филологических наук. В настоящее время профессор-русист на факультете славистики в Сорбонне. Преподает русский язык, историю и

Участники раздела «Анти-Эрлих»

культуру России XX века. Автор двух монографий: «*La Satire soviétique contemporaine. Société et idéologie*» (Paris, 1991), и «*La Fin de l'URSS et la crise d'identité russe*» (Paris, 1993). Печаталась в журнале «Колокол» (№ 1, 2003), в симбирском журнале «Мономах», в журнале «Континент» (№ 116, 2003). Племянница Наталии Иосифовны Ильиной. Составитель сборника воспоминаний о ней: «*И только память обо всем об этом*» (М.: Языки славянской культуры, 2004). Последняя ее публикация: «*Русская семья в водовороте великого перелома. Письма О.А. Толстой-Воейковой 1927–29 гг.*» (СПб.: Нестор-История, 2005). В настоящее время занимается семейным архивом, унаследованным от Натальи Иосифовны. Часто бывает в России, ездит в Ульяновск. В Сорбонне ведет семинар о преобразованиях в постсоветской России, читает лекции о политическом, экономическом и социальном положении в России.

Вероника Жобер (для русских коллег и своих студентов-славистов – Вероника Петровна) не только не скрывает, но и афиширует свой возраст. Эта необычная форма кокетства объясняется тем, что выглядит Вероника Петровна лет на двадцать моложе. В «Дневнике» Натана Эйдельмана нашел запись: «**Была писательница Наталия Ильина, вместе со своей красивой племянницей Вероникой**». Немного с ним поспорю. Вероника Петровна – *очень* красивая женщина. Не помню где, мне встретился анекдот о том, как французская аспирантка была в гостях у Корнея Чуковского. Корней Иванович был весь вечер очень оживлен, а когда она ушла, вздохнул: «**Эх, где мои семьдесят пять лет!**». Вероника Петровна отказывается узнавать себя в этой аспирантке, но опубликовала фотографию, где сидит рядом с Чуковским. Волею судьбы Веронике Петровне выпала великая честь быть зарубежным свидетелем русской культуры в период ее максимальной закрытости. С 16 лет она ежегодно приезжала в гости к своей тетушке Наталии Ильиной, общалась со многими звездами литературы, науки и искусства. В частности, дружила со своим сверстником Андреем Мироновым. Ее русский язык – очень оригинален. Его украшает сочетание французского грассирования с дореволюционным «твердым» питерским произношением: не «*што*», а непременно «*что*», не «*конешно*», а «*конечно*»... И пишет она по-русски также замечательно, ее стиль отличается изяществом и приметной иронией. Вероника Петровна доверила нашему издательству подготовленные ею к печати письма своей прабабки О.А.Толстой-Воейковой. Книга получила заслуженно высокие оценки как в СМИ, так и от коллег. Очень надеюсь, что мы продолжим

Вместо благодарности

сотрудничество и выпустим воспоминания Вероники Петровны о деятелях русской культуры, написать которые я ее давно уже уговариваю.

Борис Николаевич Миронов. Профессор Санкт-Петербургского университета и научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук. Автор семи книг и около двухсот статей, многие из которых изданы за рубежом в ведущих славистических и общеисторических журналах: «*Acta Slavica Iaponica*», «*Annales: Économies. Sociétés. Civilisations*», «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*», «*Slavic Review*», «*The Economic History Review*», «*The Russian Review*», «*The Slavonic and Eastern European Review*». Монография «*Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*» (3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1, 2. XL, 548+583 с. 87+55 илл.) вышла тремя изданиями в России, переведена на английский и китайский языки. В России и за рубежом на книгу опубликовано 29 рецензий, прошло восемь коллективных обсуждений: в журналах «*Отечественная история*» и «*Slavic Review*», а также на 32-й Ежегодной конференции Американской ассоциации развития славянских исследований в Денвере, в Европейском университете в Будапеште, в МГУ, СПбГУ, Российской Национальной библиотеке и С.-Петербургском Доме ученых. В последние 16 лет совершил 29 зарубежных командировок в Австрию, Бельгию, Германию, Италию, Китай, Нидерланды, США, Францию, Швецию, Южную Корею и Японию, где читал лекции и работал над плановыми монографиями. Сделано 16 докладов на международных конференциях за рубежом. Преподавал в Орегонском (США) и Тюбингенском (Германия) университетах. В настоящее время занят подготовкой монографии «*Модернизация и благосостояние российской населения в XVIII-XX вв.: антропометрическая история*».

Помню, как в студенческие годы я конспектировал книгу ленинградского профессора Б.Н.Миронова «*Историк и социология*». Должен признать, что эта книга очень сильно повлияла на мое научное мировоззрение. Ее автор мне представлялся очень солидным, седовласым, короче, пожилым. Я был поражен, когда впервые увидел Бориса Николаевича: элегантный мужчина с порывистыми движениями юноши. Не удержался и сказал: «**А я представлял, что Вы старше**». Борис Николаевич улыбнулся и ответил: «**Вы меня правильно представляли**». В своих исследованиях Миронов доказывает, что Россия – европейская страна. Можно спорить с этим утверждением, но одно бесспорно – в его поведении воплощены те черты, которых так не хватает русским и которыми мы наделяем европейцев: принципиальность суждений,

Участники раздела «Анти-Эрлих»

деловитость, обязательность. В нашем издательстве Борис Николаевич готовит к печати тематический выпуск журнала «Нестор» «Смена парадигм в российской историографии». Уверен, что собранные вместе статьи ведущих славистов мира окажут «кумулятивный» эффект, который будет способствовать развитию нашей историографии.

Михаил Юрьевич Немцев. Родился на Алтае в 1980 г. Получил историческое и философское образование. Член Российского Философского Общества, участник проектов в области инновационного образования. В настоящее время – аспирант Института философии и права Сибирского Отделения РАН. Живет и работает в Новосибирске. Был участником и руководителем ряда этнографических и социологических исследований в Алтайском крае. Профессиональные интересы: история современной отечественной и западной философии, теория философии, социальные и культурные процессы в Сибири.

С Михаилом Юрьевичем я знаком только заочно. Прочел его статью в престижном «Русском журнале». Высказанные в ней мысли о будущем гуманитарной науки были мне созвучны. Я предложил ему участвовать в проекте «Анти-Эрлих». Михаил Юрьевич ответил блестящей полемической статьей, которую, уверен, вы прочтете с удовольствием. Старики любят ворчать на молодое поколение. Читая Немцева, понимаешь, как они неправы.

Жорж Нива родился в 1935 в Клермон-Ферране. Обучался в Эколь Нормаль и Сорбонне, где его учителем был Пьер Паскаль, а также в Оксфорде и Московском государственном университете. В Москве тесно общался с Борисом Пастернаком. С 1992 профессор Женевского университета, с 2000 почетный профессор. Президент всемирно знаменитой ежегодной конференции «Международные встречи в Женеве». Возглавляет Европейский институт в Женеве. Член попечительных советов нескольких российских и украинских университетов, а также редколлегий «Cahiers du Monde russe» (Париж), «Звезда» (Петербург), «Континент» (Москва). Автор нескольких книг о Солженицыне: 1970 (издательство «Cahiers de l'Herne»), 1974 («l'Âge d'Homme»), 1981 («Le Seuil»), последняя опубликована в русском переводе (М., 1999). Завершил трилогию о русской культуре: «Vers la fin du mythe russe» (Lausanne, 1982 et 1988); «Russie-Europe, la fin du schisme» (Lausanne, 1993), русский перевод (М., 1999); «La présence de la Russie» (выйдет в 2005 в издательстве «l'Âge d'Homme»). Опубликовал две книги «Взглядов» на Россию после коммунизма: «Impressions de Russie l'An I: Crimée, Oural, Haute-Volga» (Paris; Lausanne, 1993); «Regards sur la Russie de l'An VI: considérations sur

Вместо благодарности

la difficulté de se libérer du despotisme» (Paris; Lausanne, 1998), продолжением которых явилась публикация «*Regards sur la Russie de l'An IX*» (Le Débat. 1999. № 107). Публикует статьи как на французском языке во французской и швейцарской прессе, так и на русском в России. Активно руководил подготовкой коллекции «*Slavica*» издательства «*l'Âge d'Homme*» (Лозанна). Теперь готовит публикации русских авторов в издательстве «*Fayard*» (Париж). В том же издательстве выходит монументальный курс «*Histoire de la littérature russe*» в 7-ми томах (в настоящее время вышло 6 томов), переведенный на русский и итальянский, соредакторами которого являются Ефим Эткинд, Жорж Нива, Илья Серман и Витторио Страда. Подготовил книгу «*Les Sites de la mémoire russe*». Является переводчиком прозы и поэзии. Познакомил французскую публику с творчеством Андрея Белого: перевел роман «*Петербург*» (совместно с Жаком Котто) и повесть «*Котик Летаев*». Получил премию области Рона-Альпы за перевод повести Марка Харитоновна «*День в феврале*», издательство «*Fayard*» (Париж). Среди последних публикаций «*Европа метафизики и картошки*» (Киев, 2002), на украинском языке; «*Bilan de la culture russe*», в спецвыпуске «*Cahiers du monde russe*»; «*Россия шаг за шагом*» (Бухарест, 2004), на румынском языке. Доктор *honoris causa* Могилянской академии в Киеве, кавалер ордена Почетного легиона, лауреат премии «*Пушкин*», почетный гражданин города Риом (Овернь, Франция).

Жорж Нива (он разрешил мне называть себя Георгием Ивановичем) – человек легендарной судьбы. Его уникальность состоит в том, что это истинный француз, горячо влюбленный в русскую культуру. При общении прежде всего поражает широта его эрудиции и оригинальность суждений. Слушая его, я четко осознавал, что никогда не буду владеть таким объемом информации. Высказывания Георгия Ивановича существенно отличаются от присущих многим западным славистам поверхностных заключений о нашей стране по аналогии с собственной цивилизацией. Он судит о России не только по книгам, а стремится познать ее воочию, причем не только на непоказательных примерах Москвы и Петербурга. Должен признаться, что его отстраненно-проникновенный взгляд на Россию серьезно изменил мои представления о месте нашей страны в христианской цивилизации. Другое важное качество Георгия Ивановича – это знакомство практически со всеми корифеями русской культуры второй половины XX в., как жившими в СССР, так и оказавшимися в эмиграции. На мои предложения издать его мемуары он сухо ответил: «**Мне есть что вспоминать, но я еще не хочу вспоминать**». Ну что ж, значит, время еще не пришло.

Участники раздела «Анти-Эрлих»

Григорий Соломонович Померанц (род. в 1918 в Вильно). Окончил отделение русской литературы МИФЛИ (1940). Участник Великой Отечественной войны. В 1946 исключен из ВКП(б) за «антипартийные заявления». В 1949 арестован по обвинению в антисоветской деятельности, осужден; освобожден (1953) и реабилитирован (1958). Работал преподавателем Тульского педагогического института (1940–41), в тресте «Союзэнергоонтаж», киоскером «Союзпечати» (1946–49), учителем в сельской школе (1953–56), библиографом в отделе стран Азии и Африки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР (с 1956). Напечатал за рубежом книги: «Сны Земли» (Париж, 1984); «Неопубликованное» (Франкфурт-на-Майне, 1972); «Открытость бездне. Этюды о Достоевском» (Нью-Йорк, 1989. Послесловие Б.Хазанова). Печатался в эмигрантских изданиях: «Грани», «Континент», «Синтаксис», «22», «Страна и мир». В новой России один из наиболее широко публикующихся авторов – философов и эссеистов. Печтается в следующих изданиях: «Литературная газета», «Литературное обозрение», «Новое время», «Октябрь», «Киноведческие записки», «Знамя», «Нева», «Новый мир», «Знание – сила», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Искусство кино». Издал книги: «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990); То же (М., 2003); «Собрание себя. Курс лекций, прочитанных в Университете истории культур» (М., 1993); «Лекции по философии истории» (М., 1993); «Выход из трансa» (М., 1995); «Великие религии мира» (М., 1995. В соавторстве с З.А.Миркиной); То же (М., 2001); «Опыты философии и культурологии» (М., 1995); «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М.; СПб., 1998); «В тени вавилонской башни» (М., 2004. В соавторстве с З.А.Миркиной); «Следствие ведет каторжанка» (М., 2004); «Сны земли» (М., 2004.). Выпустил авторский номер журнала «Русское богатство». Опубликовал мемуары: «Записки гадкого утенка» («Знамя». 1993. №№ 7-8; То же. М., 1998; То же. М., 2003); «Еще одна жизнь» («Знамя». 1994. № 12). Член Русского ПЕН-Центра. Лауреат премии фонда «Знамя» (1993).

Поскольку до моего родного Кишинева «самиздат» и «тамиздат» не доходил, имя Померанца я узнал только в конце 1980-х из публикаций в перестроечной прессе. С тех пор стараюсь не пропустить ни одной статьи этого выдающегося мыслителя. В его текстах поражает сочетание новаторских идей с, можно сказать, «пушкинской» ясностью изложения. Я долго не решался позвонить этому небожителю с просьбой об участии в проекте. Когда все-таки набрал номер, Григорий Соломонович ответил: «Мне восемьдесят семь лет. Мое время рассчитано. Мне некогда читать Вашу книгу. Но я могу дать интервью».

Вместо благодарности

Я тщательно готовился к этой встрече. Перечитал работы Григория Соломоновича. Это чтение произвело серьезный сдвиг в моих представлениях о глобальной цивилизации. Еще ярче было впечатление от личной встречи. Образ мудреца в нашем сознании формируется на основе опосредованных впечатлений: фольклора, книг, фильмов. Теперь могу сказать: **«Я видел мудреца своими глазами»**. Очень простой в общении, он вовсе не стремится выказать собеседнику превосходство своего огромного ума, обширного знания, уникального жизненного опыта. Во время интервью я не раз забывался и начинал спорить с ним как с равным. Еще раз убедился, что «генеральскую» дистанцию держат только те, кто не готов к равноправному общению. Хочу похвастаться. После интервью Григорий Соломонович все-таки прочел мою книжку. Более того, он прислал мне письмо, в котором опровергает мои построения. Могу сказать одно: меня переполняет гордость, что сам Померанц счел меня достойным спора.

Михаил Михайлович Сафонов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Автор 437 публикаций. В том числе трех монографий: *«Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.»* (Л., 1988), *«Неизвестный Лунин. (Потаенные планы декабристов в Сибири)»* (Иркутск, 1993), *«Завещание Екатерины II»* (СПб., 2002). 13 лет был постоянным участником телепрограмм петербургского телевидения: *«Воскресный лабиринт»*, *«Исторический альманах»*, *«Минувшее»*, *«Парадоксы истории»*. Автор 70 телесценариев, в которых выступал в качестве ведущего. Выступал с лекциями в Колумбийском и Принстонском университетах. Публиковался в *«Cahiers du monde Russe et soviétique»*, *«Известиях»*, *«The Harriman Review»*, *«Аргументах и фактах»*, *«Reflexions on Russia in the Eighteenth Century»*, *«Коммерсанте»*, *«History Today»*, *«The Guardian»*.

Михаил Михайлович парадоксально сочетает высокий научный профессионализм (этого не могут отрицать даже его недоброжелатели) с ярким ассоциативным мышлением. Эти качества не раз позволяли ему обнаруживать в источниках весьма неожиданную информацию, которую людям, менее одаренным способностью сопрягать «далековатые идеи», заметить без его подсказки просто не дано. Благодаря своему редкому дару он целенаправленно испытывает на прочность устоявшиеся представления историографии. В его работах всегда есть интрига. Поэтому их печатают не только в

Участники раздела «Анти-Эрлих»

научных «малотиражах», но и в изданиях с миллионными тиражами. Статья Сафонова – единственная в разделе «Анти-Эрлих», представляющая собой не рецензию, а самостоятельное исследование смысла знаменитой клятвы Герцена и Огарева на Воробьевых горах. Михаил Михайлович убедительно показал, что при освещении этого важного для моей книги сюжета я, как неопытный археолог, устремился к нижним слоям мифологических представлений, сокрушив не замеченный мною мощный и многое объясняющий верхний пласт масонской символики. Его статья, при всех комплиментах в мой адрес, представляется мне самой жесткой критикой моих выводов. Уверен, что при ее чтении вы получите огромное интеллектуальное удовольствие.

Александр Маркович Эткинд, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Кембриджского университета. Автор книг «*Эрос невозможного*», «*Содом и Психея*», «*Хлыст*», «*Толкование путешествий*».

Первое знакомство с творчеством Александра Марковича сопровождалось курьезом. Когда я рассчитывался с продавцом книжного магазина, он взглянул на название («*Эрос невозможного*») и, видимо, посчитав, что уловил мой специфический интерес, стал предлагать похабные стихи Баркова и юнкерские поэмы Лермонтова. «*Эрос невозможного*», прежде всего, покоряет «высоковольтной» энергетикой письма. Чувствуется, что автор сам пребывает в изумлении и восторге от обнаруживаемой им роли русских людей в становлении практики и теории психоанализа. В память врезались слова из этой великой книги: «**В начале XX века Петербург был интеллектуальной столицей мира**». Как хочется, чтобы о Петербурге начала XXI века было сказано нечто подобное.

Вместо благодарности

Участники раздела «PRo Moldova»

Виктор Иванович Боршевич, 1949 г.р., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова, президент Молдавского отделения Международной Академии информатизации при ООН, кавалер ордена Св. Станислава, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в Китайской Народной Республике. Автор более 150 публикаций (в том числе двух монографий) в области кибернетики и теории систем, культурной антропологии и истории цивилизаций.

Раздел «*PRo Moldova*» возник благодаря статье Виктора Ивановича. Она настолько изобилует похвалами в мой адрес, что включать ее в «*Анти-Эрлих*» было немыслимо. Когда я напомнил Виктору Ивановичу, что просил критическую статью, он ответил, что критика не обязательно должна быть подобна удару дубиной по башке, что, пребывая в Китае, он стал во многом согласным с китайцами, которые считают, что надо проникнуться точкой зрения критикуемого. В действительности Виктор Иванович просто не мог критиковать автора, который поддерживает его излюбленную идею о Молдавии как периферии сразу нескольких культурных миров. Помню, как он со своей точки зрения ученого-системщика рассказывал мне о свойстве самых различных биосистем «прирастать» количественно и перерастать в новое качество посредством периферийных, зачастую угнетенных популяций. Чтобы вы точнее поняли представленный в этой книге текст Боршевича, скажу, что лекция происходила на увитом виноградом балконе и что в процессе изложения материала лектор незаметно осушил с полведра коньяку. Да, Виктор Иванович совсем не похож на книжного червя. Громогласный и огромный, профессиональный борец – он напоминает героев эпохи Возрождения с их восторженно-жадным отношением к культуре и жизни. Знаю, как снисходительно будут улыбаться тонкие стилисты из Москвы и Петербурга, читая чрезмерно насыщенный метафорами, бурлящий, как молодое вино, текст. Им не дано понять, что эти чрезмерность и бурление являются признаками культуры, у которой все впереди.

Участники раздела «PRo Moldova»

Леонид Авраамович Мосионжник (р.1959) – доктор истории (2003), сотрудник университета «*Высшая Антропологическая школа*» (Кишинев). Автор трех учебных пособий («*Антропология цивилизаций*» – 2000, «*Человек перед лицом культуры*» – 2002, «*Синергетика для гуманитариев*» – 2003) и около 15 научных статей.

Леонид Авраамович – полная противоположность Боршевичу. Он чрезвычайно сдержан внешне и пишет как Моцарт, невзирая на отвлекающие обстоятельства: быстро, легко, изящно. Его учебные пособия, где обобщен и структурирован огромный материал, можно определить как конденсаторы знания, где «мыслям просторно». Это ни в коем случае не компиляция. Мосионжник всегда находит такую форму изложения, что неизбитые и хрестоматийные сведения, совмещенные в одном смысловом поле, образуют очередной «шаг новизны», приращение знания о культуре. Публикуемая статья Леонида Авраамовича – типичный образец излюбленной им авторской стратегии.

Алексей Андреевич Романчук (род. в 1975). Преподаватель Университета «*Высшая Антропологическая школа*» (Кишинев). Руководитель проекта «*Funny Anthropology*» (www.moldo.org). Автор монографии «*Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата*», и ряда статей, посвященных археологии железного века Балкан, теоретическим проблемам науки, цивилизациям Древнего Востока. К области научных интересов относятся также теория истории и политическая философия.

Вера Алексеевна Балахнова (род. в 1984). Студентка Университета «*Высшая Антропологическая школа*». Специализируется в области истории цивилизаций Древнего Востока.

Алексей Андреевич – это продукт преобразования природы в культуру, человек, сделавший себя, короче, молдавский Ломоносов. Крестьянский сын, выпускник заштатного МГУ (Молдавского государственного университета), он достиг практически невозможного для сельского уроженца умения говорить с культурой на языке гуманитарной науки. Для него не существует авторитетов. Он отважно нападает на аксиомы археологии, истории и антропологии. И далеко не во всех случаях аксиомам удается устоять. Вера Алексеевна –

Вместо благодарности

пока еще студентка. У нее все впереди. Начало ее пути в науку представляется многообещающим. В предлагаемой вашему вниманию их совместной статье убедительно критикуется мифологема «восточного деспотизма». Питерско-московские эрудиты с удовольствием обнаружат, что авторы, скорее всего, не знакомы с «*Ориентализмом*» Э.Саида. Но этот недостаток информированности (каталоги кишиневских библиотек зияют лакунами) только подчеркивает самостоятельность мысли авторов, которые на древневосточном материале показывают противоречие реальности с идеологией, в данном случае – «ретроориентализма».

После того, как я перечислил всех участников проекта, остается только сказать: **«Огромное спасибо вам всем, дорогие коллеги!»**

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Было бы удивительно, если бы я согласился со всеми критическими замечаниями участников проектов «*Анти-Эрлих*» и «*PRO Moldova*». В то же время неприлично оставлять за собой последнее слово, отвечая «по пунктам» каждому из критиков. Читатели смогут самостоятельно определить, кто из нас в том или ином случае приблизился, а кто отдалился от истины.

Вместе с тем «суммарное» ознакомление с эссе весьма несхожих между собой авторов позволило заметить, какие из моих взглядов вызывают общее неприятие. Можно полагать, что природа неприятия безлична и порождается неким «коллективным сознательным». Следовательно, весьма вероятно неприятие тех же моментов многими из читателей.

Из истории известно, что в начале чаще прав бывает один. Поэтому представляется естественным стремление убедить читателя принять взгляды, в справедливости которых автор убежден. Попытаюсь лучше обосновать две очень важных для меня идеи.

Первая – касается *природы интеллигенции*. Уже стало расхожим представление, что суть интеллигенции заключается не в уровне образования и не в роде занятий. Интеллигенция – понятие нравственное/моральное/этическое. Переводя эти синонимические термины на более предметный язык, можно сказать, что интеллигенция сообщает обществу, «что такое хорошо и что такое плохо», т.е. задает нормы общественного поведения и, следовательно, общественного устройства. Это общепризнанно.

Не все, но большинство моих оппонентов считают, что интеллигенция – это феномен модернизирующихся «переходных обществ», сочетающих азиатские правительства с европейски образованным слоем. В действительности в европейских странах, начиная с эпохи

Вопросы для повторения

Просвещения, также существуют схожие с интеллигенцией по «кадровому составу» группы «морализаторов», претендующих на указание обществу названных нормативов. И называются они сходным образом – *les intellectuels* (интеллектуалы). Следовательно, корпорация интеллигенции/интеллектуалов исторически преходяща и повсеместна.

А сейчас будет «шаг новизны». Давайте подумаем, какая еще общественная группа также выполняет нормирующую («морализаторскую») функцию? Так как нормирование поведения – важнейшая функция любой религии, то ответ очевиден: «служители культа». А. Грамши, модернизируя, именовал их «традиционной интеллигенцией», т.е. также отмечал функциональное сходство «морализаторов» индустриального и аграрного обществ. Следовательно, в генетическом плане на русской почве интеллигентам предшествуют православные священники, а до принятия христианства – языческие жрецы-волхвы. Если выстроить преемственную связь между этими, несомненно, враждебными «поколениями», тогда русскую интеллигенцию можно, «архаизируя», т.е. наоборот Грамши, определить как третье поколение русских «колдунов», сакральную власть секулярного общества. Это функциональное сходство, на мой взгляд, важнее исторических различий.

Вот одно из таких различий, представляющихся одному из моих оппонентов решающим: проективность (вера в «светлое будущее») интеллигенции и ретроактивность (миф «вечного возвращения») представителей традиционных религий. Действительно, у языческих волхвов и православных священников «золотой век» остался в прошлом, у «прогрессивной» интеллигенции – отнесен в будущее. Но это положение справедливо только в суммарном виде. Если начнем вникать в частности, то обнаружится множество противоречий с общей формулой. С одной стороны, христиане ждут «второго пришествия» и «страшного суда» – восстановления, с учетом опыта «первородного греха» и последующей истории, попорченного идеала «царствия небесного». Абсолютно «интеллигентский» марксизм калькирует эту же парадигму: от грубого первобытного коммунизма – через грехопадение частной собственности – к «развитому» научному коммунизму. Т.е. в обоих случаях чаемый идеал находится и в прошлом, и в будущем. С другой стороны, такие течения интеллигентных «нормировщиков», как славянофилы и евразийцы, несомненно, помещали «золотой век» в допетровское прошлое. Западники, вообще, располагали его не во времени, а в

Вопросы для повторения

пространстве. Во всех примерах истинным бытием признается нечто, отличное от существующей реальности. Уже частности, искать его в прошлом, в будущем или в какой-нибудь чужой стране. Все эти частности не позволяют определять всю интеллигентность через проективность «хорошего» общественного устройства. Для ее определения важнее безотносительный к временному и пространственному положению идеала сам факт наличия моральной функции, общей со служителями религии.

Разумеется, между интеллигентом и попом – пропасть различий, отрицать которые может только умственно неполноценный. Надеюсь, что мои оппоненты таковым меня не считают. Но ведь и между попом и волхвом – различия столь же велики. Однако это не мешает нам объединять их, например, в понятия «служители религии», «представители сакральной функции» и т.д. Что же мешает моим критикам принять термин «колдуны», объединяющий «три поколения»: волхвов, священников, интеллигенцию?

Мне самому это пока не ясно. Возможно, прав Жорж Нива, полагающий, что обижает само слово «колдун», имеющее исключительно отрицательные коннотации. Соглашусь, что у меня присутствует подспудное желание «разоблачить» «нашу святую интеллигенцию». Меня раздражает лицемерие корпорации, проповедующей «народу» идеалы, которым подавляющее большинство пастырей не хочет или не может следовать. Если обидное имя – единственное препятствие, то его можно обойти. Предлагаю интеллигентным читателям каждый раз вместо слова «колдун» производить подстановку нейтрального термина «представитель сакральной функции». Неуклюже, но необходимо. Попробуйте. Может, тогда мой текст окажется более убедительным.

Другой прием критики – банализация выводов: **«Да, интеллигенты – тоже “колдуны”. Но что нового дает такое понимание? Различия, переходы, трансформации гораздо важнее неизменных сущностей».** Согласен, что главная задача историка – познание упомянутых различий, переходов, трансформаций. Но различия мы можем найти, только сравнивая предметы, сгруппированные по *общему основанию*. Иначе получаются «сапоги всмятку». Сравнивая корпорации интеллигенции, священников и волхвов, мы сможем понять, как исторически изменялась трансгисторическая сакральная функция. Могу предположить, что «банализаторы» упирают на различия, потому что стремятся скрыть черты сходства между тремя поколениями «колдунов».

Вопросы для повторения

Ведь колдовская власть эффективна, пока неясна ее природа. Стоит назвать интеллигента «колдуном», обнаружив всю нелепость шаманских приемов в эпоху информационной цивилизации, – чары рассеются. А этого современным «колдунам» очень и очень не хочется.

Второй сюжет, к которому я считаю необходимым вернуться – это главный для всех, считающих Россию своей родиной, вопрос ***дальнейшей судьбы русской цивилизации.***

Но прежде необходимо ответить на одно из обвинений коллег. Они отлучают меня от науки только лишь за попытку заглянуть в будущее. Более чем странное отношение уважаемых ученых к смыслообразующей функции своей профессии! Ведь под наукой понимается форма знания, позволяющая предвидеть будущие состояния объекта на основании его прошлых состояний и настоящих воздействий.

В отличие от естественных наук, большинство отраслей гуманитарного знания пока не удовлетворяет такому определению. Как и во времена Пушкина, историк все еще не может «расчислить», подобно астроному, предстоящую «траекторию» объекта своего изучения – общества. Но сегодняшняя неспособность исторической науки осуществлять прогноз с вероятностью, удовлетворяющей потребностям общественной практики, не означает, что историкам даже не следует пытаться смотреть в будущее, опираясь на *профессиональное* изучение прошлого. Гуманитариям надо выбирать: либо отказаться от обязывающего звания представителей науки и существовать по «англосаксонской» модели «искусства для искусства», либо путем настойчивых поисков и напряженных дискуссий пытаться овладеть прогностической функцией.

Снятие табу прогнозирования с профессиональных занятий ученых-гуманитариев дает им шанс, рано или поздно, научиться конвертировать свое знание прошлого в узнавание будущего. Да, уровень Коперника для нашей науки еще недостижим. Не уверен, что в ближайшее время мы сможем сравняться в точности предвидения с Птолемеем. Но трусливый отказ мыслить о грядущем лишает гуманитарное знание всяких прав на признание его общественной необходимости, низводит нашу «игру в бисер» до уровня собирания спичечных коробков и, в конечном счете, обрекает ученую корпорацию на апологию прошлого в интересах нынешних победителей.

Вопросы для повторения

Возвращаясь к будущему России, хочу напомнить, что коренные преобразования русской государственности неизменно приводили к пространственному перемещению цивилизационного центра:

- 1) Зарождение государства – Ладога или Новгород (ученые, как говорится, спорят);
- 2) Киевская Русь – Киев;
- 3) Великое княжество Владимирское – Владимир;
- 4) Московское царство – Москва;
- 5) Российская империя – Петербург;
- 6) СССР – Москва.

«Славная революция» 1991 года – трансформация не менее радикальная, чем «перевороты» Ленина, Петра I и князей-рюриковичей. На чем основана уверенность, что Москва останется цивилизационным центром периода межгосударственной «раздробленности» русской цивилизации? Исключительно на инерции мышления.

Эта инерция требует отсечения непокорных окраин. У политологов становится популярным образ «шагреновой кожи»: «Россия ужалась до размеров Московского царства». Инерционность московско-питерских элит, мыслящих русскую цивилизацию только в пределах «государства российского», загоняет ее в гетто Российской Федерации. Стимулированное таким подходом «оборонное сознание» – «Понаехали тут всякие!» – чрезвычайно непродуктивно для выживания русской нации. Из истории первого Рима известно, что изоляционистская идея лимеса – признак неизбежной гибели цивилизации, принявшей эту идею.

Английский славист заметил: «Традиции Британской империи гораздо более живучи в бывших колониях, чем в метрополии. Это объяснимо: ствол уже усох, а ветви еще зеленеют». Это наблюдение можно перенести и на традиции русской культуры. В бывших республиках СССР – неотъемлемых частях русской цивилизации – русская культура живет самостоятельной жизнью. Не имея нивелирующей подпитки из бывшего центра, она начинает мутировать и трансформироваться в различные локальные варианты. И пока нельзя сказать, какой из них окажется более конкурентоспособным в условиях информационной цивилизации. Но очень важно, что все эти изводы русской культуры учатся жить без государственной опеки. Тем самым они отвергают в своей практике тысячелетний «воинский» архетип, унаследованный от варяжских завоевателей.

Вопросы для повторения

Мы располагаем опытом трех преемственных «римских» империй. «Перворимская» цивилизация нашла продолжение в цивилизации византийской. «Византизм» обрел свое продолжение в России. В обоих случаях центр цивилизации-продолжательницы находился на культурной периферии своей предшественницы. Считаю, что для вменяемых русских патриотов настало время задуматься о четвертом Риме – новой цивилизации, способной творчески продолжить лучшие традиции русской культуры.

На какой из периферий русской цивилизации может возникнуть новый цивилизационный центр? Это пока неизвестно. Как уроженец Молдавии, я предложил кандидатуру моей маленькой родины на роль этого центра. Был бы киргизом или азербайджанцем, наверняка нашел бы убедительные аргументы в пользу Киргизии или Азербайджана.

К сожалению, участники раздела «*Анти-Эрлик*», если и обратили внимание на этот сюжет моей книжки, то восприняли его как пустой эпатаж и отделались ироничными замечаниями. Высокомерное отношение к «глупым молдаванам» заблокировало рефлексию по поводу принципиальной возможности сознательного созидания преемницы русской цивилизации.

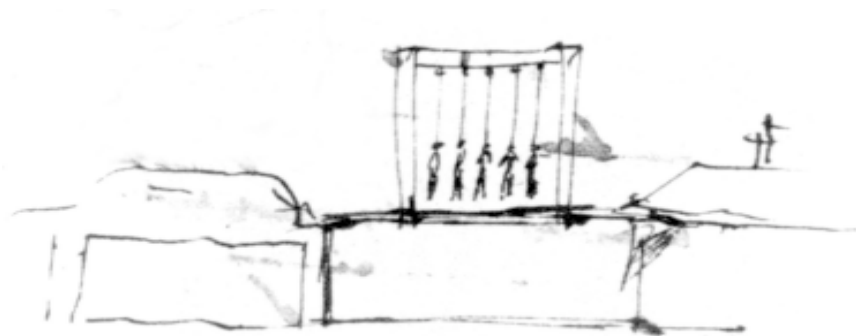
С моими рассуждениями о Молдавии можно и нужно спорить. Нельзя оспорить – «**Последние станут первыми!**» – исторический механизм «централизации периферии» как «столбовую дорогу» культурного развития. Предлагаю в процессе чтения отрешиться от согревающего мою душу, но всего лишь одного из *вероятных* сценариев будущего нашей цивилизации. Мечтаю, чтобы читатели настоящего издания задумались над самым насущным, по моему мнению, вопросом. В данный момент первоочередная задача состоит вовсе не в том, чтобы назвать «преемницу» русской цивилизации. Важнее обсудить сам *принцип* «централизации периферии» и параметры цивилизационного творчества: механизм трансформации, какие черты прошлого стоит передать потомкам, «от какого наследия мы отказываемся» и т.д. Чрезвычайно важно сделать общепризнанной мысль о том, что Россия должна подавить понятную ревность к своему младенцу, относиться к нему со всем вниманием и любовью даже тогда, когда малыш устремится к самостоятельности. Жестокий закон развития заключается в том, что дети продолжают родителей парадоксальным путем отрицания их опыта. Не заспать бы ребеночка!

РОССИЯ КОЛДУНОВ-4¹
(САКРАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле — время ее <...> возрождения в *перерожденном*² виде; <...> у всех у нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором <...> основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к коим все сводится, <...> увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи

И.А. Ильин

I. ЧТО ЕСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Что же это за небывалое, единственное в мире общество, или сословие, или каста, или вера, или заговор? Это не каста, не вера, не заговор, — это все вместе в одном, это — русская интеллигенция

Д. С. Мережковский

На вопрос, вынесенный в заголовок, можно отвечать по-разному. Советские идеологи, к примеру, рассматривали интеллигенцию в качестве «прослойки» бутерброда из «рабочих» и «крестьян». Интеллигенция обижалась, когда ее именовали «прослойкой»¹. Она осмысливала свое предназначение в триаде: «интеллигенция — власть — народ»². Возможен ли новый ответ на старый, как интеллигенция, вопрос?

Я вижу такую возможность в выходе за пределы собственно интеллигентской эпохи XIX–XX вв., в рассмотрении происхождения и роли интеллигенции в общем контексте русской истории. Следовательно, чтобы ответить, что есть интеллигенция, необходимо знать, «что замыслил Творец о России» (Н.А.Бердяев). Каким же образом предполагается «умом Россию» понимать³?

В качестве исходного принято положение о глубинном «единстве смысла» всех проявлений общественной жизни, в данном случае — русского народа⁴:

«Культура, при всем многообразии форм ее внешнего проявления, есть некоторое внутреннее единство, *единство смысла*, который в конечном счете определяет характер целеполагания и деятельности индивидов, так же как и структуру общественных институтов и направление научного поиска. Целостность устроения и миропонимания, называемая культурой, пронизывает собой все сферы жизни» (Гайденко 1995: 3).

«Единство смысла», составляющее сущность любой цивилизации, – а Россия несомненно является особой цивилизацией – в наиболее явственном виде сосредоточено в ее религии. Еще Аристотель заметил, что священное создается по образцу мирского: **«Подобно тому, как люди уподобляют вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов»**. Мысль древнего мудреца была перевернута М.Вебером (1990: 56) в постулат о зависимости общественного устройства от религиозных воззрений: **«В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге»**.

«Буржуазный оппонент Маркса» в своих исследованиях «хозяйственной этики» ограничился «представлениями о долге», присущими мировым религиям, и абстрагировался от эпохи язычества. В данном случае (учитывая, что русская цивилизация, т.е. государственная форма социальности, возникла до крещения Руси) вопрос ставится шире, чем у Вебера: каким образом исходное «единство смысла», воплощенное в «магических и религиозных идеях», повлияло на все последующее «жизненное поведение» общественного организма? Возможно ли допустить зависимость общественного устройства Российской империи и Советской России от языческого мировоззрения Руси⁵?

Г.П.Федотов (1992), пожалуй, единственный, кто попытался ответить на эти вопросы. Он предложил археологический метод «послойных» раскопок русской души. Каждый период русской истории (исходный языческий, киевский, московский, петербургский) наложил свой отпечаток на русского человека. Причем воздействия более ранних **«культурно-исторических пластов»** являются более устойчивыми: **«В человеческой истории, как в истории земли, чем древнее, тем тверже: гранит и порфир не легко рассыпаются»** (Федотов 1992: 381). В результате катастрофы русской революции больше всего пострадал, по мнению выдающегося историка и философа, новейший имперский слой, и восстали **«ожившими гораздо более древние пласты»** народного сознания (Федотов 1992: 381). К сожалению, сам Федотов не был последователен в осуществлении своего метода. Давая развернутые характеристики воздействию двух последних периодов, он в самых общих выражениях высказался о влиянии **«Киево-**

Что есть интеллигенция?

Новгородской Руси» и практически никак не затронул смысл базового, согласно его методу, языческого слоя. Мыслитель словно испугался выводов, вытекающих из его «преемственного» подхода, согласно которому «исторические разрывы революционных эпох <...> не в силах уничтожить непрерывности», «самая радикальная идеологическая катастрофа не в силах пересоздать душевного склада» (Федотов 1992: 381, 394):

«Возможно ли заглянуть еще глубже в русскую душу, за Киев и Новгород, за грани истории? Снимая, как с луковицы, слой за слоем культурно-исторические пласты, найдем ли мы в русском человеке основное, неразложимое ядро? Может быть, вопрос поставлен неправильно. <...> Нация не дерево и не животное, которое в семени несет все свои возможности. Нацию лучше сравнить с музыкальным или поэтическим произведением, в котором первые такты или строки вовсе не обязательно выражают главную тему. Эта тема иногда раскрывается лишь в конце. Может быть, XIX век более национален в этом смысле (как откровение слова), чем Киев или Москва» (Федотов 1992: 391).

«Нисколько не предполагая, чтобы в славянском язычестве была заложена идея русскости», Федотов (1992: 391), противореча себе, считает, что «стоит все же всматриваться в эту таинственную глубину»: «Мы лучше всех народов сохранили природные, дохристианские основы народной души». Для философа несомненна связь между блестящей русской культурой XIX в. и традициями языческих предков. «Дохристианские основы народной души» выражаются, в частности, в том, что «откровение слова» классиков русской литературы «дистиллирует, перегоняя в приборах высокого духовного напряжения, первобытную материю русского язычества».

Остальные «историософы» вообще не рассматривают вклад «русского язычества» в природу русской цивилизации⁶. Рассуждая о цивилизационной специфике нашей страны, все они в качестве объяснительного принципа рассматривают православие. Противоположность оценок роли восточного христианства в судьбе России до сих пор придает накал полемике «западников» и «почвенников». Ярость спорщиков, видимо, не позволяет задуматься, что смысл русской цивилизации мог родиться еще до крещения Руси. Считаю необходимым привести соображения, которые не позволяют игнорировать роль язычества в сложении «единства смысла» русской культуры:

1) Даже если придерживаться летописных дат (862 – основание русского государства, 988 – крещение Руси), языческий период

русской цивилизации насчитывает 126 лет. Это с высоты третьего тысячелетия два указанных события чуть не сливаются в одно. А попробуйте откинуть 126 лет от наших дней. Вы окажетесь во временах Александра II. Согласитесь, что годы, истекшие со времен царя-освободителя, не прошли бесследно для душевного склада русского человека. События, случившиеся за столь же долгий срок в начальной русской истории, тем более должны были оставить неизгладимый отпечаток в тогда еще «детской» и потому очень восприимчивой душе народа;

2) Не менее важно, что христианизация Руси – процесс, растянувшийся на столетия. Еще в XVII в. представители русской знати наряду с христианскими носили языческие имена. Так, христианское имя «воссоединителя» Украины с Россией Богдана Хмельницкого было Зиновий. А крестьяне даже в начале XX в. во многом оставались язычниками. Например, Н.С.Лесков (1989: 300) в «антинигилистском» романе *«На ножах»* с этнографической тщательностью описывает обряд изгнания «коровьей смерти». Согласно этому обряду, многократно зафиксированному в источниках XIX – нач. XX в., во всех очагах гасили «старый огонь». Все мужики уходили в лес добывать «новый огонь» трением. А голые бабы впрягались в плуг и с воплями опахивали магическим защитным кругом село. Случайного путника, попавшего навстречу процессии, в соответствии с обрядом, надлежало забивать камнями. Поверхностная христианизация «народа-богоносца», сочетавшаяся с верностью языческим верованиям и обрядам, получила в науке, может, не совсем точное наименование «двоеверия».

Языческий слой имеет решающее значение в природе русской цивилизации: **«Для проблемы сложения форм всей будущей культуры первая, рождающая эпоха имеет особо важное значение»** (Фрейденберг 1998: 31); **«Прошлое не перерабатывается и не исчезает; все его формы соуживаются рядом, хотя бы они и противоречили новому настоящему»** (Фрейденберг 1998: 155). Учет языческого наследия, отнюдь не мимолетного и живого еще на памяти наших дедов, позволит правильно объяснить целый ряд основополагающих черт русского характера, ныне безосновательно приписываемых воздействию православия.

Более того, сам «выбор веры» по греческому обряду может быть объяснен воздействием языческих представлений Владимира Святого и его дружины. Из всех знакомых древнерусской воинской

Что есть интеллигенция?

элите мировых религий официальный культ Византийской империи воспринимался как наиболее близкий языческому «единству смысла». Князя-реформатора в новой вере привлекали не догматические вопросы, в которых «он вряд ли разбирался», а «формы церковной организации», точнее, «неограниченные возможности князя в решении организационных проблем», т.е. византийский образец взаимоотношения светской и духовной властей (Кузьмин 1988: 220, 231). «Вклады» византийской культуры избирательно преломлялись через исходное «единство смысла» русской цивилизации (Успенский 1998: 5). В частности, перенос на Св.Николая культа Велеса обусловил исключительную популярность «чудотворца» в народном религиозном сознании (Попович 1985: 91). Иван Посошков – публицист нач. XVIII в. – отмечает предпочтение, оказываемое Св.Николаю простолюдными даже «перед Спасителем и Богоматерью» (Милюков 1995: 204). В связи с этим православие не может служить объяснительным принципом русской культуры. Напротив, специфика «греческой веры» на русской почве объясняется с учетом языческого «кода» нашей цивилизации. Поэтому рассуждения о русском характере, основанные на изучении восточных отцов церкви, имеют еще меньшее отношение к действительности, чем описания советского общества в диссертациях по «научному коммунизму».

Почему же П.Я.Чаадаев, Н.Я.Данилевский, а также их не менее гениальные последователи начинали отсчет русской цивилизации с крещения Руси? Одной из главных причин мне видится снобизм образованных русских людей, которые остаются «западниками», даже яростно критикуя Запад. Не находя в родном язычестве ни Аристотеля, ни Цицерона, они с омерзением отворачиваются от «зверинского образа» («Повесть временных лет») своих предков. И обращаются к более уважаемому «византийскому наследию», которое позволяет со- или противопоставить «Песнь о Роланде» и «Слово о полку Игореве», Нотр-Дам и Покрова на Нерли, Леонардо да Винчи и Андрея Рублева⁷.

В качестве рабочего инструмента используются идеи Ж.Дюмезиля (1986), открывшего троичное («колдуны – воины – работники») устройство древних индоевропейских обществ. В.Н.Топоров (1987: 189) отмечает связь, которую образуют «такие основоположные категории

русской жизни как святость (и священство), царство, земство (“мир”) <...> с трехфункциональной схемой, исследованной Дюмезилем»:

«Роль этих трех элементов и воплощающих их сил в истории Руси исключительна, а понимание их чаще всего остается на низком уровне <...> Необходима целая серия исследований, которые позволили бы исторически точно определить суть этих категорий, особенности их функционирования и результаты взаимодействия соответствующих сил. Пока этого не сделано, трудно понять многие важные явления русской истории XVI–XVII вв. (не говоря уж о древней Руси), как, например, те сложные взаимоотношения между священством и царством, <...> между царством и земством. Spiritus movens каждой из участвующих в этом взаимодействии сил неизбежно ускользает от внимания исследователей, как только они пытаются свести эти категории к исключительно формальной сфере или изучать их только в прагматическом плане».

В основу данной статьи положена гипотеза о генетической связи и функциональном тождестве триады: «интеллигенция – власть – народ» с дюмезилевскими «колдунами», «воинами» и «работниками»⁸. Идея – не нова. отождествление «интеллектуалов-проповедников» со жрецами впервые получило развернутое обоснование в книге немецкого социолога Х.Шельски *«Работу делают другие»* еще в 1975. Тем не менее, эта мысль не является общепринятой, т.е. имеет статус гипотезы.

Первым и важнейшим возражением против такого подхода является сомнение в правомерности прилагать концепцию, разработанную на архаическом материале, к обществам Нового и Новейшего времени⁹. Это сомнение восходит к механистическому, в духе Просвещения, взгляду на историю. Согласно последнему, сознательная деятельность людей способна изменить общество в любом выбранном направлении безотносительно к прошлым его состояниям¹⁰. Поэтому, после стольких социальных экспериментов «века Разума», между древними и современными обществами очень мало общего. Поэтому невозможно их сопоставлять. Альтернативой такому взгляду является точка зрения Романтизма, что общество – живой организм, детерминированный всем своим прошлым, и прежде всего, моментом рождения¹¹.

И «просветители», и «романтики» правы каждый по-своему. Поэтому выбор той или иной точки зрения определяется не критериями объективной истины, а ценностями исследователя (Ткачук 1995: 3).

Что есть интеллигенция?

Меня, в силу различных причин, интересует «то в прошедшем, что не проходит» (В.О.Ключевский). Объясняя свое тяготение к преемственному «органиченному» подходу личными пристрастиями, я надеюсь, что коллеги столь же критично подойдут к источникам собственных воззрений¹².

Объем публикации позволяет осветить лишь важнейшие повороты темы, что придает повествованию известную долю схематизма и декларативности. С другой стороны, это обстоятельство имеет и свои преимущества. Невозможность укрыть идеи за спасительным «частоколом фактов» (В.С.Дякин) облегчает критику основных положений. Желая скорректировать в последующих изданиях слабые места, я нарочно выпячиваю их посредством провокационно-прямолинейного «стиля Гинденбург» (Свасьян 1993: 62).

Утверждение нового взгляда на русскую историю сопровождается неуютным ощущением одиночества. Противоядием этому чувству служит обильное цитирование авторитетов. Дублируя их высказываниями свои выводы, я нарушаю наглое единство избранного стиля. Такова плата за возможность опираться на костыли традиции. В статье рассматриваются:

- 1) «Воинская» природа России;
- 2) «Колдовская» сущность интеллигенции;
- 3) Формирование и эволюция интеллигентского сакрального текста;
- 4) Участь интеллигенции;
- 5) Судьба России.

II. ФОРМУЛА РОССИИ

Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; <...> история ее требует другой мысли, другой формулы

А. С. Пушкин

Исходными для индоевропейцев, считает Ж. Дюмезиль (1986: 25), являются представления о социальности как триединстве сакральной, военной и экономической функций¹. Исходное «единство смысла», в соответствии с которым образуется общество, различно именуется в социологии. Я использую термин «архетип», так как разделяю выдвинутую в теории архетипов К.-Г. Юнга идею о преимущественно бессознательной трансляции последних.

Наиболее древний, единый для всех индоевропейцев архетип – представления о сакрально-военно-экономическом устройстве общества – с завидным постоянством воспроизводится в мифологии индоариев («брахманы», «кшатрии», «вайшьи»); античной философии (государства «философов», «воинов», «производителей» Платона); средневековой схоластики («oratores», «bellatores», «laboratores»); социологии Нового Времени (века «богов», «героев» и «людей» Д. Вико); новейшей политологии («правовой», «репрессивный», «поощрительный» типы власти²). Подтверждая преимущественно бессознательную трансляцию архетипа, авторы многочисленных триад обычно не подозревают о первоисточнике своих представлений.

Ж. Дюмезиль в силу демократических предрассудков рассматривает элементы триады как равноправные, способные под влиянием исторических обстоятельств занимать любые места в общественной иерархии. Такой подход обусловил статичность дюмезилевской

Формула России

концепции, отсутствие в ней механизма преобразования социальных структур. Ф.Ницше (1990: 83), задолго до Дюмезиля, вещал: «Природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита». Вызывающий аристократизм Ницше мешает осознанию возвещанной им истины — историю творят «колдуны» и «воины». Характер их взаимоотношений является определяющим «единством смысла» любой цивилизации. «Работники» — всего лишь ресурс, вечный «навоз истории». История как «живое творчество масс» — льстивая утопия «колдунов»-лицемеров³. Преобладание людей «мышечных» и «духовных» над «посредственными» отразилось в составе православных святых. Владимир Соловьев (1991: 20) подметил, что невозможно найти между святыми «купца, или дьяка, или приказного, или мещанина, или крестьянина — одним словом, какой бы то ни было профессии, кроме монахов и военных».

Первоначальная иерархия трех функций восстанавливается по их расположению на «мировом древе». Крона отводится «колдунам», ствол — «воинам», корни — «работникам» (Попович 1985: 21). Приниженное положение последних объясняется их подчинением власти «колдунов» и «воинов». «Колдуны» управляют мыслями, «воины» — действиями. В предельных абстракциях «слова» и «дела» — сущностные отличия сакральной (духовной) власти «колдунов» и светской власти «воинов»⁴. Сакральная власть — это *слово*, это власть знания⁵. Луна — космический символ «колдунов» — выдает «ночную», тайную природу сакральной власти, вслух себя «властью» не именующей (Попович 1985: 83–84). Сакральная функция подразделяется на творение и хранение основополагающих смыслов, т.е. представлений о добре и зле, сформулированных в виде этического Закона⁶. Светская власть — это *дело*, это власть силы. Солнце — космический символ «воинов» — свидетельствует о «дневной», явной природе светской власти, в обиходе именуемой просто «власть» (Попович 1985: 83–84). В идеале «воины» организуют и защищают общество согласно этическим предписаниям сакрального Закона⁷. «Очень хорошо получается на бумаге, — иронизирует Л.Февр (1991: 280), — выровнять крен и привести к мирной гармонии прогресс умственный и социальное совершенствование. А на практике? Это два могущественных бога, и

как подчинить одного другому или — несколько наивная химера — заставить их существовать бок о бок?». В реальности сакральная («прогресс умственный») и светская («социальное совершенствование») ветви власти постоянно противоборствуют⁸. Различные исходы этой борьбы — «с перевесом в сторону жречества и в сторону светской власти» (Померанц 1992: 37) — во многом повлияли на несхожесть архетипов цивилизаций, созданных индоевропейцами. В каждом из этих архетипов кристаллизовано неповторимое «единство смысла» — представления о структуре власти, т.е. характере взаимоотношений «воинов» и «колдунов», бытовавшие в момент возникновения той или иной общности. Все они являются вторичными модификациями исходного сакрально-военно-экономического образца.

Пытаясь определить «типичные» черты России, необходимо помнить: любому обществу в любое время присущи любые свойства, в том числе и взаимоисключающие. «Количественное» преобладание тех или иных «качеств» в таком «единстве противоположностей» может быть определено только *относительно* других обществ⁹. Архетип русской цивилизации проявляется наиболее отчетливо при сравнении с многовековым эталоном, «аршином общим» — цивилизацией Запада¹⁰. Человек Иван «глядится, как в зеркало» в сумерки *«Заката Европы»* и с содроганием отворачивается. Хотя «неча на зеркало пенять».

Исходные представления цивилизаций (т.е. представления о соотношении сакральной и светской властей, современные образованию государственности) реконструируются «аристотелевским» методом подобия. Согласно этому методу, отношения в пантеоне того или иного языческого народа воспроизводят взгляды последнего на общественное устройство¹¹. Что понимается под началом государственности и, следовательно, цивилизации?

В отношении России вопрос: «Откуда есть пошла?» — подразумевает бесспорный ответ. Ее государственность основана легендарным Рюриком в Новгороде и распространена до Киева полуисторическим Олегом.

Начало Запада обычно усматривают в так называемой «античности», под которой понимается якобы единая «греко-римская цивилизация». Это заблуждение вызвано взаимовлиянием синхронных «культурно-исторических типов» (Н.Я.Данилевский). «Римская армия завоевала Грецию, греческая культура околдовала Рим» (Цицерон).